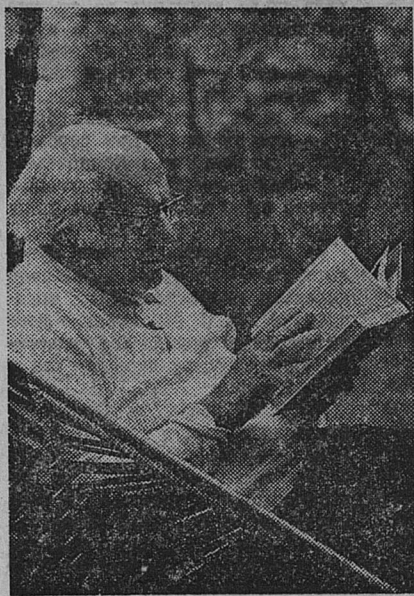

— В то время, когда я только начинал служить сцене, было много выдающихся режиссеров — Станиславский, Мейерхольд, Вахтангов, — сказал Игорь Владимирович. — Они воспитали целую плеяду мастеров. Пожалуй, сегодня индивидуальностей такого высокого класса несколько поубавилось, но высокая театральная культура распространилась и заняла прочное место в нашем искусстве.

Рост театральной культуры — явление отрадное. Многие здесь зависят от решения наших «чеховых» проблем, которые, как бы их ни скрывать и ни приукрашивать, так или иначе сказываются в отношениях театра и зрителя. Тут не обманут ни звания, ни награды... Сцена, и это известно со времен Станиславского, предательски искренна, и на ней фальшь сразу же становится очевидной. Как мне кажется, возникает опасность духовного возрождения актерского поиска.

Начнем, как говорится, с «театральных пеленок» — нынешней практики подготовки актеров. У нас в стране, и в Москве особенно, много хороших театральных школ. Но выходят оттуда профессионально грамотные актеры, которые могут лишь с пользой играть «полезности». Они не «обучены» искать, стремиться к взлету, духовному порыву. Они удовлетворительно играют в спектаклях, телефильмах, а большие художественные открытия для них недостижимы. И, наконец, самое ужасное, они смирились с низким уровнем требований, к которому их приучили сызмальства. «Выныли» их душу в покорности, ей не присуща боль человеческая за себя, свое время, своих героев.

Формально у нас в Малом театре молодым открыта дорога: «Пожалуйста, играйте, готовьте, репетируйте! Худсовет примет — при первой же возможности выйдете на сцену...» Но разве таким образом можно что-нибудь вырастить, кроме сорняков? Самостоятельность, трудолюбие — это хорошо. Но мастерство воспитывается талантом. Я помню, как сам начинал в студии Художественного театра. Приняли меня в пору сложную. Многие выдающиеся актеры находились на гастролях за границей, и со студийками занимались «третьи» лица. Поэтому я предпочел заниматься в театре Мейерхольда. Хотя некоторые мои одноклассники оказались более теплыми и дождались, когда в Москву вернулись ведущие мастера Художественного. Они перелобели и в награду получили тайны мастеров, определивших их судьбу.

Наш собеседник — Игорь Ильинский

ОЗАРЕНИЕ ТАЛАНТА

С именем Игоря Владимировича Ильинского, который недавно отметил свое 80-летие, связаны многие яркие страницы истории советского театрального искусства, его творческая судьба не безучастна в его веках, поисках и свершениях. От послереволюционного периода формирования и становления, через время мятежного поиска до дней зрелости. Более 60 лет насчитывает творческий стаж актера. Опыт, мудрость, азарт новатора — таким сегодня

встречает нас в театре и кино, в телевизионных фильмах и спектаклях Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, народный артист СССР Игорь Ильинский.

Наш разговор с Игорем Владимировичем сразу принял сугубо деловой характер о насущных проблемах театрального искусства, о том, что способствует и что мешает активному творческому поиску в театре.

— Мера ответственности — это и есть, по-вашему, неотъемлемое качество истинного художника сцены?

— В театре немало людей, посвятивших себя сцене, отдающих ей жизнь. Они иной раз от малчируются, когда речь заходит о недостатках. Но это вовсе не значит, что сердце у них не щемит, душа горем не полнится. Другие же, кто живет вне театра, а преимущественно руководит им, объясняют наши трудности довольно банально, без желания что-либо понять. Мол, театр есть театр, актеры есть актеры, и никогда не будет так, чтоб не было «закулисной жизни и борьбы», обязательно найдется человек, который чем-нибудь недоволен. Такой взгляд представляется мне опасным симптомом. Теперь нередко встречаются руководители театров, и не только в Москве, которые склонны думать, что актер делает художником не мастер, не талант, а... администрация. «Мы его можем завалить в два счета, — уверены они, — а можем сделать имя». И в моей жизни было время, когда со мной разговаривали подобным образом... Вот от этого бездушия, формализма, необоснованных амбиций вянет художник, выхолащивается в нем главное — талант, человек.

Могут подумать, что я говорю так потому, что мне восемьдесят лет. Сетует, мол, на то, что сейчас происходит в театре, а небось, когда был молодым, не замечал никаких трудностей, никаких проблем... Вопрос беззаветного служения театру по примеру Станиславского и его театральных «детей», крестни-

ков, которых он так много породил на пользу театральному искусству, во все времена будет беспокоить каждого служителя сцены. В наше время недостатки, язвы театра так же невыносимо переносить, как и прежде...

Увы, я говорю не только о других театрах, но и о том, который по-настоящему стал для меня родным домом. На мой взгляд, много путаности в определении творческого лица театра. Ведь когда-то Малый назывался «Вторым Московским университетом». А сейчас можно ли, не кривя душой, так о нем сказать? Так же, как назвать «Российской театральной академией»... А разве не горько мне, актеру Малого театра, сознавать, что иной раз он становится, как это ни прискорбно, ни оскорбительно, «принудительным ассортиментом» для зрителя, «нагрузкой».

— Причины этих явлений кроются прежде всего в самом театре, в тех, кто в нем служит?

— Можно ли себе представить, чтобы Константин Сергеевич Станиславский принимал учеников к себе в студию «по записке»? Парадокс! Не правда ли? В театре недопустим формализм, это его бич и боль. В театре не могут «уживаться» законы творческие и законы благополучия. Актер, пришедший в театр, должен заботиться о художественном воплощении образа, духовном озарении, а не о том, с кем «водиться», кого избегать. Художник не рождается сам собой — во всем нужна работа сердца, души, ума...

Таковыми мастерами театра, беззаветно служившими его искусству, были и остались для меня

два Бориса — Борис Иванович Равенских и Борис Андреевич Бабочкин, с которыми меня связывала большая творческая и личная дружба. Они «горели» на моих глазах. У каждого из них были длительные «простои», когда им ничего не давали делать, по отношению к ним были несправедливы, и то, что это так, они смогли доказать блестящими постановками, а Борис Бабочкин еще и прекрасными актерскими работами. Талант можно убить в зародыше, но, когда он уже проявился, его не сломают никакие невзгоды. Жаль, когда они одолевают жизнь близких тебе людей, товарищей по искусству. Эти потери, увы, неисчислимы... Тем более, что с Борисом Ивановичем Равенских связана моя работа над образом Льва Толстого в пьесе Иона Друце «Возвращение на круги своя»...

— Что вас больше всего возмущало в этой работе?

— Общение с Толстым было для меня чрезвычайно полезным. Я сделался немножко другим человеком. Вдруг что-то у меня просветлело в душе, появилась глубокая вера в то, что без правды, без моральной чистоты жизни, и в том числе театр, существовать не может... Многие мои друзья отговаривали играть Толстого. Я долгое время очень мучился, думая, что это не моя роль, что она у меня не получается. И только вера двух людей — автора пьесы Иона Друце и режиссера-постановщика Бориса Равенских — как-то помогла мне преодолеть тревогу и сомнения. Смешно вспомнить, но я трижды хотел отказаться от роли. А что такое в Малом театре отказаться от роли — админист-

рация на другой же день найдет с десяток «Толстых»...

Ключевыми для меня стали два высказывания Льва Николаевича Толстого: «У меня такое чувство, точно меня прогоняют сквозь строй и каждый бьет по моему телу, и нет конца ни строю, ни ударам». И другое: «Сейчас России как никогда нужна религия, потому что без религии в России на сотни лет наступит царство водки, денег и разврата...» В них выражена суть поисков, противоречий, борений Толстого, пытавшегося в нелегких условиях царского режима понять и по-своему объяснить суть народной жизни.

Ведь вне противоречий и сомнений нет Толстого, и даже самому гениальному актеру не «вытянуть» спрямленный, упрощенный образ великого писателя. Вот почему в театре важно бороться за правду, справедливость, ибо в противном случае легко скатиться к «полезностям».

— Чем сегодня болит душа, беспокоено сердце?

— В конце прошедшего сезона я приступил к репетициям «Вишневого сада». Почему Чехов, почему сейчас? Я много отдал души, были и ошибки, и что хорошее в работе над чеховскими произведениями на телевидении, на эстраде. Чехов — это много трактовок, много споров, много вопросов. Сам драматург в пору сотрудничества со Станиславским и Немировичем-Данченко весьма неохотно отвечал на множество «почему». «У меня там все написано», — был краток ответ. Передо мной возник вопрос: как ставить? И я пришел к выводу, что, как говорится, богу — боже, кесарю —

кесарю, а Чехову — чехово. Мне кажется, в таком подходе я угадываю желание очень многих поклонников чеховской драматургии увидеть на сцене пьесы такими, какими их создал драматург. Были у меня и сомнения, нужно ли вступать в соревнование с таким спектаклем, который является для меня высшим воплощением чеховской драматургии, — спектаклем Московского Художественного театра.

Есть и еще одна проблема: нужна ли помощь классикам со стороны режиссера... Существует же известный старый, но не стареющий анекдот. Два актера идут мимо памятника Гоголю. Подходят, бросаются на колени и говорят: «Прости, Николай Васильевич, мы вчера вдвоем сыграли «Ревизора»... Анекдот анекдотом, а помню, как сравнительно давно был спектакль, когда «Ревизора» во МХАТе сыграли без... Добчинского. И это не анекдот — в стенгазете театра была помещена заметка, где говорилось о недопустимости таких спектаклей. Но он был допущен! И кто за него ответил? Администрация? Нет, ведь она-то и сделала этот случай возможным — не решилась отменить спектакль... Это я немножко отвлекся по поводу того, кто и как делает театр и каким делается театр.

— Разве не аналогичным образом поступают режиссеры — любители «переосмысливать» классику?

— В свое время Мейерхольд провозгласил лозунг пересмотра классики и сам активно включился в реализацию этой идеи. Но то были цветочки, причем талантливые, умные, по сравнению с сегодняшними ягодами. Нередко еще можно встретить ту пошлятину, против которой воевал Мейерхольд, — «мейерхольдовщину». И редко обращают на это внимание. Нашу критику не интересует просто честный спектакль...

Сейчас мы продолжаем репетиции «Вишневого сада», и обнаруживается удивительная вещь. Комедия в высоком смысле слова, а не водевильно-шлягерная, рождается сама по себе при том условии, если актеры не играют, а живут, занимаются, волнуются о своем деле. Это, на мой взгляд, самая благородная манера актерской игры.

Чехов обязывает жить по-чеховски и так же относиться к своей работе, к событиям жизни. А это очень трудно, самое на мой взгляд, трудное — жить честно...

Беседу вел Б. ПЕТРОВ.
Фото П. Кривонова.